

Игорь Г. Милославский

**АСПЕКТОЛОГИЯ КАК ПЯТОЕ КОЛЕСО
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОВОЗКЕ**

Ключевые слова: вид глагола, видовая пара, семантика, сочетаемость, парадигма, модификационная семантическая характеристика, речевая деятельность, русский язык
Słowa kluczowe: aspekt czasownika, para aspektowa, semantyka, łączliwość, paradygmat, semantyczna charakterystyka modyfikacyjna, działalność mowna, język rosyjski

О славянском глагольном виде написано так много и в теоретическом, и в практическом аспекте, и в интересах носителя какого-либо славянского языка, и в интересах изучающих какой-либо славянский язык как неродной, что образовалась уже целая группа лингвистов-славистов, называющих себя аспектологами, а сама соответствующая проблематика выделилась в специальную область, называемую аспектологией, почти в одном ряду с грамматикой или фонетикой, синтаксисом или словообразованием.

Цель настоящей статьи – доказать полную необоснованность такого специального выделения, если, конечно, не считать основанием для него исключительно количество публикаций и «точек зрения», все более и более запутывающих ситуацию и апеллирующих уже не к ИСТИНЕ, но к чинам, возрасту и/или просто к обилию текстов того или иного автора. А между тем дело обстоит довольно просто.

1. Три аспекта видового противопоставления глаголов

Славянские глаголы совершенного и несовершенного вида противопоставлены по 3 основаниям: 1) парадигматическому, 2) синтагматическому (сочетаемостному) и 3) семантическому.

Парадигматический аспект заключается в том, что глаголы совершенного вида имеют формы двух времен – прошедшего и будущего, а глаголы несовершенного вида – формы трех времен, т. е. прошедшего, настоящего и будущего. Очевидно, что глаголы обоих видов, совпадая по форме как «настоящее», и обозначают настоящее время (несовершенный вид) или будущее (совершенный вид): *строю – построю, целую – поцелую* и т. п. При этом глаголы несовершенного вида оформляют будущее благодаря своей способности сочетаться с глаголом *быть*: *буду писать, будут читать* и т. п., с которыми глаголы совершенного вида сочетаться не могут.

Как известно, семантическое содержание форм, выглядящих как формы настоящего времени, служит одним из критериев для различения глаголов совершенного вида (будущее время) и глаголов несовершенного вида (настоящее время).

Синтагматические различия между глаголами обоих видов, например, в русском языке, не ограничиваются только невозможностью сочетаемости инфинитивов глаголов совершенного вида с фазовыми глаголами типа *продолжать, кончать, начинать*. Глаголы совершенного вида не сочетаются также с различными показателями регулярной повторяемости типа *каждый раз, еженедельно, по четвергам* и т. п. В обоих этих случаях синтагматической ограниченности глаголов совершенного вида едва ли следует видеть отражение какой-либо семантической общности. Развитие лексической семантики во второй половине XX века теоретически доказало относительную независимость семантики и синтагматики, а также принципиальную несостоятельность попыток выводить семантику из синтагматики и *vice versa*. Частными проявлениями такой относительной незави-

симости синтагматики от семантики выступает как повторение в словосочетаниях одних и тех же сем (*повторить еще раз, одна картофелина* и т. п.), так и наличие противоречащих друг другу сем (*завтра иду, трижды крикнул* и т. п.). В связи с глагольным видом принципиально важно вспомнить, что в русском языке, например, совершенный вид не сочетается с так наз. «отрицательными» рекомендациями типа *не стóит, не советую, разлюбил* и т. п., хотя при этом семантически глаголы совершенного вида типа *прочитать, толкнуть, перестроить* и т. п. образуют с такими «отрицательными рекомендациями» вполне осмысленные словосочетания. Напомню, что возможность/невозможность подобных словосочетаний также может служить критерием для определения того, к какому же виду принадлежит тот или иной глагол.

Разумеется, кроме парадигматических и синтагматических (сочетаемых) различий, между глаголами обоих видов имеются и расхождения семантические. Как кажется, почти все аспектологи согласны с тем, что это семантическое различие образует привативную оппозицию, сильным членом которой выступает глагол совершенного вида, указывающий на «целостность» действия (или его «внутренний предел», по другой терминологии). Иными словами, совершенный вид выражает некую характеристику, по поводу которой глагол несовершенного вида сохраняет неопределенность (*sic!*), есть ли она у него или нет, вовсе не отрицая возможность наличия такой характеристики. Ср., например, *учительница, слониха, медведица*, обозначающие «женский пол»; и *учитель, слон, медведь*, где пол живого существа остается неизвестным, т. е. может быть и мужским, и женским. Соглашаясь именно с привативной семантической оппозицией глаголов совершенного и несовершенного видов, невозможно принять «семантическое содержание» этой оппозиции. Дело в том, что «целостность» («внутренний предел») представляют такой высокий уровень логического обобщения, или абстракции, который принципиально отличается от того, на котором эффективно производится номинативная семантизация слов, предложений, текстов. Ср. «направление» и «сверху вниз» (*сбросить*), «в сторону» (*отбросить*), «вверх» (*подбросить*), или «актант» и «субъект» (*Петя читает*), «объект» (*читает книгу*), «адресат» (*читает сыну*). Точно также «целостность» («внутренний предел»), называя действие (состояние) «нечленимое», «не способное к продолжению», т. е. «внутренне исчерпанное», обобщает и точечное, одномоментное действие (*толкнул, бросил*), и ограниченное пределом действие (*погулял, прозанимался*), и действие с весьма специфическим пределом, т. е. достигшее результата, и в силу этого прекратившееся и не способное к продолжению (*написал, прочитал, разглядел*). Иными словами, за принятыми формулировками может конкретно стоять и \cdot (точка), и $_$ (обычный отрезок), и отрезок $_ \cdot$ – т. е. отрезок со специфической точкой справа, обозначающей не простое прекращение ограниченного действия, но достижение им результата. Замечу, что широко распространенная в учебной литературе формулировка «законченное действие» как семантическая характеристика глаголов совершенного вида, принципиально неприемлема, поскольку объединяет «законченность» как вследствие субъективной воли действующего («больше не хочу, не могу» и т. п.) и как характеристику самого действия, которое не может продолжаться в силу его собственной природы,

поскольку оно само по себе «точечное», «ограниченное» (с обеих сторон) или «результативное» (ограниченное справа своей внутренней исчерпанностью).

Как известно, поиски инвариантов различного рода восходят еще к идеям сравнительно-исторического языкознания. Однако и в середине прошлого века эта идея активно обсуждалась в связи, например, с теорией фонем или падежными значениями. В последующие годы поиски инварианта (или границ и форм его варьирования) проникли и в семантическую сферу в связи с изучением так наз. концептов. Однако в целом можно утверждать, что поиски инварианта как методологический прием не выступают в современной лингвистике как прием эффективный. Более эффективным средством семантизации в современной научной лингвистической парадигме выступает, напротив, детальное рассмотрение частных семантических проявлений, а особенно тех условий, в которых эти проявления имеют место. Иными словами, на первый план выступают не частные манифестации некоторой (часто мифической и априорной) сущности, но вполне конкретные семантические показатели, не сводимые к какому-либо инварианту, а также определение тех условий, где эти показатели выступают. К сожалению, и это общее движение научной лингвистической мысли, как и относительная независимость семантики и синтагматики (сочетаемости), не привлекли серьезного внимания аспектологов.

2. Глаголы разных видов как слова, связанные модификационными словообразовательными отношениями

Нетрудно видеть, что глаголы обоих видов в славянских языках, и в частности, в русском, связаны между собой словообразовательными отношениями. Эти отношения еще в первой половине прошлого века рассматривались преимущественно с формальной точки зрения: *читать* – *прочитать* – префиксация, *толкать* – *толкнуть* – суффиксация, *толкать* – *вытолкать* – префиксация, *вытолкать* – *выталкивать* – суффиксация. Однако уже во второй половине прошлого века, прежде всего благодаря работам М. Докулила [Dokulil 1962 I: 333–397 и др.], эти отношения стали рассматриваться под семантическим углом зрения, обнаружив в себе так наз. модификационную деривацию. При этом модификационная деривация имеет место не только среди глаголов, но также и среди имен. И в последнем случае она, так же, как и в случае с глаголами, может сопровождаться не только семантическими модификационными изменениями, но также и преобразованиями синтагматических (сочетаемых) и парадигматических свойств слов. Приведу примеры.

Модификация по параметру «невзрослость» типа *медведь* – *медвежонок* может влечь за собой и синтагматические изменения. Например, *сова* – женский род, *совенок* – мужской род, то же самое в *лиса* – *лисенок*, *утка* – *утенок*, *крыса* – *крысенок* и *крысенуш*, *мышь* – *мышонок* и др. Такое же изменение родовой принадлежности, т. е. изменение синтагматических (сочетаемых) свойств наблюдаем и при модификации по параметру «собираемость»: *профессор* (мужской род) – *профессура* (женский род), *студент* (мужской род) – *студенчество* (средний род), *солдат* (мужской род) – *солдатня* (женский род), *солдатъе* (средний род) и др. Замечу также, что модификация по параметру «собира-

тельность» приводит и к изменению парадигмы производного слова по сравнению с производящим: парадигма, состоящая из двух чисел, заменяется парадигмой с формами только единственного числа. Подобное же изменение парадигмы наблюдаем в производных прилагательных с модификацией по параметру «высшая степень». *Толстый – толстенный, злой – злоущий, тихий – тишайший* – все эти пары различаются не только семантическим параметром «высшая степень», но также и тем, что у вторых членов пар, в отличие от первых, отсутствуют краткие формы, а следовательно, парадигма состоит не из 28 членов, но из 24.

В русских грамматиках [см., напр.: Русская грамматика 1980: 333–397] также традиционно обращалось внимание на то обстоятельство, что одни дериваты меняли свои синтагматические свойства «по правилу», например, *читать книгу – чтение книги, жарить мясо – жарка мяса* (винительный падеж при глаголе меняется на родительный при производных именах), а другие дериваты «своевольничали», например, *любить природу – любовь к природе* или *увлекаться математикой – увлечение математикой* и др.

Все эти тривиальные примеры показывают, что между глаголами разных видов с их тремя типами различий (см. выше) нет ничего такого, чего бы мы не наблюдали в области словообразовательных отношений между словами и других частей речи. Добавлю лишь, что семантические, парадигматические и синтагматические различия не обязательно проявляются, так сказать, параллельно. Например, так наз. одушевленные существительные противопоставлены неодушевленным синтагматически: у них не совпадают согласованные формы в винительном множественного (*вижу красивые дома – красивых коней, вижу красивые деревни – красивых девушек, вижу ужасные разрушения – ужасных чудовищ*), а у слов мужского рода еще и в винительном единственного (*вижу красивый дом – красивого коня*). В то же время эти группы слов различаются и парадигматически, причем не количеством членов парадигмы, но её организацией: у одушевленных винительный множественного совпадает с родительным; у слов мужского рода такое же различие имеется еще и в единственном числе. Не говорю уже о парадигматических различиях между словами «обычными» и нулевого склонения (*кенгуру, шимпанзе и такси, МГУ* и т. п.). Однако, как хорошо известно, эти синтагматические и парадигматические проявления соответствующих слов отнюдь не на 100% совпадают с их семантическими проявлениями. Напомню хотя бы о словах *кукла, покойник, вирус*.

Таким образом, можно решительно утверждать, что задача «образовать от глаголов несовершенного вида глаголы совершенного вида» и, наоборот, «образовать от глагола совершенного вида глагол несовершенного вида» поставлена абсолютно некорректно. При такой постановке неясно, что же требуется изменить, синтагматику, парадигматику или семантику. Впрочем, вероятнее всего, последнее, но тогда невозможно удовлетвориться такой формулировкой параметра «семантическое различие» как «целостность», или «внутренний предел» (см. выше).

Добавлю, что в качестве цели в принципе может выступать и изменение синтагматических свойств объекта. Для славянских прилагательных это чрезвычайно легко сделать, поскольку вне контекста все различия внутри парадигмы прилагательных дифференцируются только синтагматикой. Ту же операцию можно провести и для некоторых существительных: *зал – зала, рельс – рельса, страт –*

страта, фильм – фильма (устар.). Теоретически легко представить себе и такую ситуацию, когда в качестве цели выступает изменение парадигмы: *коричневый – беж, зеленый – хаки* или *университет – МГУ, автомобиль – такси* и т. п. Очевидно, что во всех этих случаях изменение синтагматики и/или парадигматики требует за это некоторой семантической «платы», номинативной и/или стилистической. В такой ситуации могут оказаться в принципе и глаголы совершенного и несовершенного видов (см. ниже).

3. По каким семантическим параметрам можно модифицировать глагол?

Очевидно, что глагол, называющий только некоторые действия (состояния), может быть в принципе семантически модифицированным по самым разнообразным параметрам. Например, по параметру «однократность»: *целовать* (сколько раз, неизвестно) – *поцеловать*; *острить* (сколько раз, неизвестно) – *сострить*, *бросать* (сколько раз, неизвестно) – *бросить*; то же самое часто с помощью суффикса *-ну-*: *толкать* – *толкнуть*, *свистеть* – *свистнуть*, *прыгать* – *прыгнуть* и т. п. Совершенно ясно, что это семантическое преобразование будет сопровождаться изменением видовой принадлежности глагола, т. е. соответствующими парадигматическими изменениями производящего глагола в производном от него, что можно рассматривать как некоторый побочный эффект семантического преобразования, отнюдь не отвечающего именно заданному условию семантического изменения (см. выше). В качестве семантического параметра модификации может выступать «результативность»: *писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*, *решать* – *решить* и т. п. И вновь семантическое преобразование повлечет за собой изменение парадигматических и синтагматических характеристик в производном глаголе по сравнению с теми же характеристиками в производящем. И семантический модификационный параметр «в течение некоторого ограниченного периода времени», реализуемый приставками *по-* и *про-* (именно в заданном значении): *писать* – *пописать*, *стоять* – *простоять*, *плакать* – *проплакать* и мн. др., приведет к точно таким же последствиям.

Дело будет выглядеть несколько иначе, если в качестве семантического модификационного преобразования будет выступать, например, «начинательность». Очень наивно полагать, что результатом такой модификации, например, для *петь* будет *запеть*. Дело в том, что приставка *за-* как соответствующий дериватор содержит в себе не только сему «начинательность», но и сему «однократность». Очевидно, что сема «однократность» не существует ни в глаголе *петь*, ни в параметре, заданном в качестве семантической модификации. Правильный ответ на задание «образовать от глагола *петь* другой глагол, семантически модифицированный по параметру «начинательность» (и только!)», будет *запевать*. В полученном результате формально двушаговой деривации параметр «один раз» в приставке *за-* зачеркивается суффиксом *-ва-*, при этом параметр «начинательность» в той же приставке сохраняется.

Принципиально таким же образом решается задача, в которой семантическая модификация осуществляется по параметру «иначе, по-другому». Для глагола *строить* это не *перестроить*, поскольку в последнем представлена не только